

Золотое солнце клонилось к западу, окрашивая небо в багровые тона. К окраине деревни Байжун неспешно подкатила простая, лишенная украшений повозка. Управляли ею двое подростков; одеты они были не в грубую мешковину, привычную для здешних мест, а в добротную ткань с крепкими, ровными швами. Глядя на них, трудно было понять: то ли это племянники того, кто сидит внутри, то ли слуги. Если последнее, то таинственный путник явно был не так прост, как пытался казаться.

Жители деревни провожали повозку любопытными взглядами. Впрочем, они не слишком удивлялись: богачи нередко пускались в путь в скромном облике, опасаясь грабителей.

— Глава семьи, дело к вечеру. В город нас уже не пустят, давайте заночуем здесь, — подал голос Цай Ань.

Перед отъездом Лун Юй велел называть Яи «главой семьи», а его самого — «молодым господином». И хотя по статусу ему больше подходило обращение «молодой супруг», Лун Юй это слово терпеть не мог, так что на «молодом господине» и сошлись.

А-Мо очень хотелось съязвить, что с такими титулами они смахивают на отца с сыном, но, вспомнив, как Лун Юй разделялся с ним за длинный язык, он благоразумно проглотил шутку.

— Хорошо. Пойди разузнай что да как, — донесся из повозки негромкий голос Яи.

Он не спешил выходить — на его коленях, свернувшись клубочком, отдыхал Лун Юй, и Яи не хотелось тревожить его покой.

— Понял, — отозвался Цай Ань. — А ты припаркуйся в тени, да поаккуратнее, — бросил он А-Мо и спрыгнул на землю.

Лучше всего о делах в деревне знали замужние «гэеры» средних лет, но те были слишком падки на сплетни и редко говорили по существу. Цай Ань, наученный опытом, решил разыскать старосту — такие люди обычно коротали время за трубкой под самым большим деревом в центре деревни.

И верно: вскоре он увидел вековую раскидистую липу, под которой на каменной скамье сидел старик. Тот потягивал табак с таким видом, будто ведал всеми тайнами мира — сомневаться не приходилось, это и был староста.

Цай Ань подошел и вежливо поклонился:

— Дедушка, мы держим путь в Байюй. Боюсь, к закрытию городских ворот не успеем. Не подскажите, есть ли в вашей деревне постоянный двор?

Старик причмокнул губами:

— Да зачем нам, деревенским, такая диковина? — Он уже собирался набить себе цену, но, подняв глаза, так и замер. «Ох, и ладный малый! Моему третьему сыну как раз пора мужа искать. А этот парень — партия что надо!» — Старик мгновенно сменил тон: — Коли не побрезгуете, заходите в мой дом, место найдется.

— Премного благодарны, — ответил Цай Ань, а про себя усмехнулся.

Он не пропустил алчного блеска в глазах старика и без труда догадался о его планах. И хотя вреда от этих козней ждать не стоило, мало кому приятно чувствовать себя добычей в чужих расчетах. «Интересно, как он запоет, когда увидит Владыку и господина?» — подумал Цай Ань. Шоу обещало быть занятным.

— Не за что, — расплылся в улыбке старик. — Мой дом в восточном конце, заметите сразу — пять комнат под черепичной крышей.

Цай Ань кивнул и вернулся к повозке. Староста же поспешил домой — пристроить третьего сына было делом первостепенной важности.

Через четверть часа повозка остановилась у добротного дома из синего кирпича. В деревне, где преобладали мазанки, такое жилище считалось признаком недюжинного достатка.

У ворот гостей уже поджидал юноша-гэер в ярко-розовых одеждах. Волосы уложены волосок к волоску, лицо густо напудрено, а на шее слева под лучами заходящего солнца влажно поблескивала метка в форме капли. Его наряд и манеры так явно кричали о желании понравиться, что Цай Ань лишь нахмурился, а А-Мо украдкой прыснул.

— Вы к нам на постой? Прошу в дом! — радушно защебетал розовый гэер.

Цай Ань, не удостоив его взглядом, подошел к повозке и почтительно постучал по дверце:

— Глава семьи, мы прибыли.

Дверь распахнулась, и на землю сошел Яи. Окинув взглядом двор, он едва заметно поморщился, но тут же смягчился:

— Сойдет.

Гэер, увидев Яи, буквально лишился дара речи. Если на подростков он смотрел свысока, то перед Яи он впивался в статного гостя липким, цепким взглядом. Лицо юноши залил густой румянец, он принял позу «скромного цветка» — расчет был прост: богатые господа привыкли к

изысканным красавцам, вдруг им захочется «дикой полевой травки»?

Не нужно было быть мудрецом, чтобы понять по одной осанке и одежде Яи — перед ними птица высокого полета.

— Мо... молодой господин, доброго здоровья, — пролепетал розовый гэер, пожирая гостя глазами.

Старик Лян и его муж, вышедшие навстречу, застали эту сцену. Староста лишь недовольно крикнул, а вот его супруг принялся оценивающе разглядывать Яи. «Хорош, ох как хорош... Да только слишком знатен. Нашему Сяодо в таком доме житья не дадут», — подумал он.

— Сяодо, ну что застыл? Приглашай гостей, — муж старосты потянул сына за рукав, подавая знак. Тот мгновенно спохватился.

— Господин, прошу в дом, — юноша потянулся было к руке Яи, но тот ловко уклонился и протянул ладонь к дверце экипажа.

— Душа моя, мы приехали, — голос Яи прозвучал мягко, точно струящаяся вода, отчего Сяодо едва не лишился чувств от восторга.

— Мы уже в Байюе? — изнутри донесся сонный, томный голос.

Сначала показалась изящная кисть. Яи бережно перехватил её и помог спутнику выйти. Лун Юй предстал перед ними в небесно-белом халате, перехваченном поясом, который подчеркивал его безупречный стан. Точеное лицо, идеальные брови, затуманенный сном взгляд... Единственным изъяном казались губы — тонкие, точно лезвие, они придавали ему вид человека холодного и сурового. Но более всего поражал узор на его шее: такой яркой, сложной и властной метки никто из присутствующих никогда не видел. Казалось, её красота изливается наружу, заполняя всё пространство вокруг.

Сяодо во все глаза уставился на Лун Юя. Тот, почувствовав неприязнь, лениво приоткрыл глаза и одарил юношу коротким взглядом. От этого холода Сяодо мгновенно поник и уставился в землю.

Сравнивать их было бесполезно — всё равно что драгоценный нефрит с придорожной галькой. Если миг назад Сяодо еще надеялся подобраться к Яи, то теперь эта мысль казалась безумием. У кого повернется язык смотреть на других, имея под боком такое сокровище?

Впрочем, муж старосты не спешил сдаваться. Он знал жизнь: господа часто бывают пресыщены изысканностью. Как говорится, «жена не чета наложнице, наложница — куртизанке, а та — тайной интрижке». Его Сяодо тоже не промах!

— Ох, какой же дивный гэер к нам пожаловал! — запричитал муж старосты, не скрывая хитрого блеска в глазах.

Лун Юй слегка склонил голову, сразу подметив эту фальшь:

— Это кто же?

— Молодой господин, это хозяин дома, — пояснил Цай Ань.

— Вот незадача, — тихо обронил Лун Юй, заставив семью Лян вздрогнуть. — Как же неудобно стеснять людей... Крестьянская жизнь и без того полна тягот. — Он нарочито выделил последнее слово.

Сяодо не понял подтекста, но старик Лян и его супруг заметно помрачнели. Лун Юй тем временем царственно кивнул слуге:

— Цай Ань, дай хозяину таэль серебра за беспокойство.

Слуга тут же достал из кошелька монету и вложил в руку опешившего старика:

— Не обессудьте, дедушка, в дорогу лишнего не брали.

Слова звучали учтиво, но от них так и веяло пренебрежением. Этот таэль мог кормить обычную семью полгода, и отказываться от легких денег было глупо, но Лун Юй так обставил этот жест, что серебро буквально жгло ладонь. Старик Лян почувствовал себя оплеванным, хотя его просто одарили.

Не стоит винить Лун Юя в высокомерии — если бы хозяева встретили их без задних мыслей, он был бы воплощением вежливости. Но раз эта семейка вознамерилась покуситься на его Яи, пусть не обижаются, когда их тычут носом в сословие.

Гости вошли в дом. Хозяин проводил их в западные покои.

— Места у нас немного. Эти две комнаты мы для свадьбы сына приберегли, пока пустуют — располагайтесь, — с некоторой бравадой заявил муж старосты, пытаясь вернуть себе самообладание. Мол, деньги ваши — ничто, а крыша над головой — моя.

Но триумф его длился недолго. Цай Ань, едва переступив порог, по-хозяйски огляделся и крикнул во двор:

— А-Мо, неси воду!

— Иду! — А-Мо после всех передраг стал на редкость исполнительным и лишний раз не высывался.

Когда принесли таз, Цай Ань достал мягкую шелковую ткань и принялся методично протирать мебель. Постель хозяев он брезгливо свернул и спрятал в шкаф, а А-Мо тем временем занес из повозки тюки: два пуховых матраса, огромную подушку и шелковое одеяло на двоих.

Муж старосты во все глаза смотрел на ткань — такая тонкая и гладкая, какой он и в руках не держал.

Когда кровать застелили, а стол и стулья засияли чистотой, Цай Ань воскурил в черной керамической курильнице благовония — аромат был тонким и свежим. На стол водрузили сервиз из тончайшего фарфора, на стулья положили мягкие подушки. Закончив приготовления, слуги бесшумно удалились.

Яи удовлетворенно кивнул и подвел Лун Юя к креслу:

— Ну, душа моя, придется перебиться малым. В Байюе устроимся получше, — он вздохнул с таким видом, будто заставлял супруга ночевать в хлеву. — Прости, что обрекаю на такие лишения.

У мужа старосты от этих слов едва кровь горлом не пошла. «Лишения»?! В его лучшем доме, в комнатах для молодоженов?!

— В пути всегда непросто, я всё понимаю, — кротко отозвался Лун Юй, поглаживая мужа по руке.

Сяодо, подслушивавший у двери, едва не лопнул от злости.

— Видать, наше захолустье и впрямь не чета вашим дворцам! — выпалил он, не подумав.

Муж старосты нахмурился — дерзить гостям было лишним, — и хотел было сгладить углы, но ответ Лун Юя заставил их обоих задохнуться от бессильной ярости.

— Отрадно, что ты сам это понимаешь, — Лун Юй одарил его снисходительной улыбкой, в которой сквозило неприкрытое пренебрежение.

Он всем видом давал понять: спорить с «такими» ниже его достоинства. Вы сами признали, что ваше место — дыра, так о чем нам говорить?

Яи в душе готов был аплодировать. «Ай да молодец, душа моя! Уделал их в пух и прах».

<http://bllate.org/book/17533/1707412>